

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОСТУПКОВ:
ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ ФРЕЙМОВ
И ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ**

Л. А. Бушуева

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского*

**LINGUO-COGNITIVE MODELING OF ACTIONS:
HEURISTIC POTENTIAL CAPACITY OF THE FRAME THEORY
AND THE THEORY OF PROTOTYPES**

L. A. Bushuyeva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Поступила в редакцию 13 февраля 2019 г.

Аннотация: цель исследования – показать эффективность использования методов фреймового моделирования языка, а также прототипической семантики для изучения представлений о поступках человека. Исследование проводится на примере поступков семантической группы «помощь». Под поступком в данной работе подразумевается сознательное действие, получающее внешнюю оценку. На основании оценочного признака поступки рассматриваются как отличные от действий. Оценочный признак также лежит в основе выделения основных категорий поступков: категории положительно оцениваемых поступков и категории отрицательно оцениваемых поступков. Поступок является значимым элементом русской культуры, представление о поступке рассматривается в данном исследовании как концептуальное, отражающее фрагмент русской языковой картины мира. В работе показано, каким образом в языке, речи и вербальных ассоциациях говорящих на русском языке репрезентирована общая когнитивная модель поступков, их инвариантный фрейм, структурированный слотами: мотив поступка, действие, лежащее в основе поступка, агент поступка, объект поступка, оценка поступка, результат поступка. На основе лексикографического анализа определено, какие лексические единицы репрезентируют семантическую группу «помощь» в русском языке, какие участники ситуаций рассматриваемых поступков актуализированы в словарных метаописаниях; с помощью контекстуального анализа, проводимого на материале текстов Национального корпуса русского языка, выявлено, какие участники в наибольшей и наименьшей степени эксплицитованы в русской речи, каковы их прототипические признаки; исследование ассоциативных данных способствовало верификации полученных с помощью других типов анализа данных. Исследование показало высокую эффективность фреймового подхода для изучения представлений о поступках.

Ключевые слова: поступок, фрейм, прототип, дискурсивный анализ, вербальные ассоциации.

Abstract: the research is based on the frame theory and the theory of prototypes. The author supports the cognitive line where a frame is treated as a schematic representation of a concept and a means of constructing its mental models. The article claims that the process of categorization is based on prototypes or the best representatives of objects. A prototype is often described as an object that can be defined as a unity of elements with the features which are associated with a certain category. The aim of the article is to show that the categorization of human actions is linked with the invariable frame, which is a structure made up of the following elements: an aim, action, subject, object, evaluation, result. The frame “help” is given as an example of such a structure. It is analyzed with the help of vocabulary research, discourse data, association experiment. The article shows the prototypical characteristics of the key elements of the frame: prototypical subjects, objects, aims, etc. typical of the action in focus. Some of these key elements are highlighted more than the others in the language, discourse and the verbal associations, which actually shows what perspective the frame is viewed from. The research is a contribution to the development of modern dictionaries based on the idea of multi-faceted analysis.

Key words: action, frame, prototype, discourse analysis, verbal associations.

В связи с переориентацией лингвистических исследований на новую парадигму – антропоцентрическую – меняются и воззрения на семантическое устройство языка, которое теперь рассматривается в неразрывной связи с процессами мышления, внимания, памяти. Исследования, реализуемые в рамках современной лингвистической науки, затрагивают и теорию значения, такие его аспекты, как интегрирование и взаимодействие разных знаний в значении и т. д. Ограничившись только таксономическим значением, можно понять, что представляет собой тот или иной объект в научном смысле, но невозможно узнать, какие с ним связываются представления. Широко известен тот факт, что человек в процессе речевой деятельности оперирует как научно-объективными знаниями, так и субъективными представлениями и убеждениями. Как отмечает А. Е. Бочкарев, когнитивная семантика «в качестве базовой модели понимания избирает систему обыденного знания с когнитивными аналогами в виде типичных примеров, идеалов и образцов, прототипов и фреймов. Такие модели представлений знаний позволяют уточнить, что собой представляют в контексте употребления фоновые знания и то, как оперируют этими знаниями в толковании» [1, с. 193].

Определить значение той или иной лексемы можно путем соотнесения с прототипом – лучшим представителем категории. Н. Н. Болдырев определяет прототипический подход как одно из современных методологических открытий когнитивной лингвистики [2]. Теория прототипов восходит к Э. Рош, которая в результате проведенных экспериментов пришла к выводу о неоднородной структуре категорий, в которых человек осмысляет окружающий мир и взаимодействует с ним. В категориях есть выделяющиеся элементы (прототипы), выполняющие функцию «якорей», вокруг которых группируются все остальные входящие в категорию объекты. В прототипах воплощены наиболее характерные признаки категорий, что позволяет по прототипу опознавать категорию в целом [3].

Н. Н. Болдырев определяет прототип как концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание [4]. Основные характеристики прототипа являются характеристиками соответствующей категории, что и обуславливает принадлежность к данной категории тех или иных элементов [4]. Э. Рош показала, что процессы обучения, сопоставления, запоминания, оценки основаны на точках когнитивной референции. Данная точка зрения коррелирует с позицией многих исследователей-когнитологов, которые также отмечают, что при распознавании объектов сознание человека опирается именно на прототипы, наиболее яркие представители множества, так как их определяющие черты, их сущность

являются когнитивными ориентирами для той или иной категории [5, p. 39; 6, p. 185].

Нельзя не согласиться с тем, что восприятие всякой новой ситуации совершается путем соотнесения ее со знакомой ситуацией, с хранимой в памяти моделью, а именно фреймом, обеспечивающим когнитивную обработку данной ситуации. Фрейм определяется как один из способов схематизации человеческого знания. Простейшей моделью фрейма является сценарий стереотипных ситуаций, связанных причинно-временными отношениями. Основным признаком фрейма заключается в том, что это всегда структурированная единица знания. В этом также заключается главное отличие фрейма от концепта: концепт может выражать любую единицу знания, в том числе неструктурированного; фрейм, напротив, структурирован и состоит из взаимосвязанных компонентов [7, с. 27]. Любой вид человеческой деятельности «фреймируется» общепринятыми правилами. Эти правила и образуют базовые схемы восприятия, опираясь на которые, человек осознает последовательность действий в той или иной ситуации.

Как справедливо отмечает Е. Г. Беляевская, задачи, решаемые с помощью фреймов, имеют нечто общее, обусловленное самой природой фреймов, – семантические характеристики рассматриваемых объектов (например, слов) фиксируются на фоне целой группы взаимосвязанных семантических явлений. Следовательно, анализируя отдельное слово, необходимо анализировать целое семантическое поле или его фрагмент [8, с. 20].

Идея об исходных интуитивных представлениях, лежащих в основе понятия фрейма, восходит еще к работам Дж. С. Милля [9, с. 37]. Дж. С. Милль противопоставляет коннотации и денотации по отношению к тому, что он называет соотносительными (correlative) терминами. Например, два соотносительных термина *son* и *father* «денотируют» различные сущности (things) и разные признаки, но «коннотируют» одну и ту же историю событий, которая привела к возникновению отношения родства, обозначаемого каждым из этих слов. «Именно такой интерпретативный фрейм лежит в основе универсальных характеристик терминологических систем родственных отношений, в категориях которых носитель языка выбирает и интерпретирует такие термины, как *father, son, granddaughter*» [9, с. 38].

Фреймы различаются по строению и степени сложности. Некоторые из них образуют строго структурированную систему ограничений; некоторые не имеют четкой формы и обеспечивают лишь общее понимание ситуации. Существенно, что фрейм всегда структурирован, при этом степень вариативности растет по мере удаления от ядра. Структурно фрейм состоит из элементов, субфреймов, или слотов, к

которым могут присоединяться другие фреймы и субфреймы.

Фрейм отражает знания, известные большинству членов данного общества, и включает в себя устойчивые признаки, способствующие быстрому узнаванию фрейма любым членом общества. Эти признаки, по представлению большинства ученых, занимают верхние уровни фрейма и остаются постоянными. Семантическими вершинами являются те данные, которые всегда представлены конкретными языковыми категориями. В противоречие с данным аспектом теории фреймов вступает появившаяся в американской лингвистике теория концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер, И. Суитсер), в основе которой лежит идея слияния ментальных пространств, в результате чего «образуется новое интегрированное пространство, в котором нейтрализуются одни элементы исходных фреймов, усиливаются другие и создаются новые» [10, с. 46]. Согласно этой теории даже устойчивые элементы могут подвергаться изменению. В рамках теории концептуальной интеграции фрейм рассматривается как динамическая структура с «активными зонами», в которой даже стабильные элементы могут смещаться на нижние, глубинные уровни.

В нашем представлении распознавание фрейма невозможно без опоры на устойчивые признаки. При этом нельзя не согласиться с Ж. Фоконье и др. в том, что внутри структуры возможно движение: признаки из глубинных уровней могут перемещаться в верхние уровни, а стабильные признаки могут опускаться на нижние уровни. За основу принимается такое понимание фрейма, согласно которому он представляется как общая ситуация, в которой фиксированы прототипические участники.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы показать, каким образом теория фреймов и теория прототипов могут быть использованы для изучения представлений о поступках человека.

Надежность моделирования фреймовой структуры и объективность выделения прототипической семантики для структурных элементов фрейма (слов) обеспечивается привлечением разных видов языкового материала – системно-языкового, речевого, ассоциативного – и применением разных методов его анализа: структурно-семантического, контекстуального, анализа ассоциативных связей слов, исследования семантической сочетаемости.

С точки зрения С. А. Жаботинской, «семантический анализ, направленный на выявление элементов значения знака, является необходимым преддверием к анализу концептуальному. Семантический анализ предоставляет исследователю тот материал, который подлежит дальнейшей аранжировке в составе концептуальной модели» [11, с. 143]. В качестве источ-

ников данных для определения группы лексем со значением поступка, а также для лексикографического анализа выделенных лексем использовались авторитетные толковые, синонимические, идеографические словари русского языка.

Контекстуальный анализ выделенных единиц направлен на верификацию результатов лексико-семантического анализа; уточнение содержательного наполнения фрейма; оценку актуальности слотов фрейма; выделение их прототипических содержательных признаков. Контекстуальный анализ проводился на материале текстов Национального корпуса русского языка [12].

Обращение к материалу лексических ассоциаций предоставляет возможность приблизиться к массовому языковому сознанию, к типовому представлению русскоязычных говорящих о поступках. Для ассоциативного анализа использовались данные Русского ассоциативного словаря [13].

Фрейм «поступок» в самом общем виде можно обозначить как оценочно-нормативный феномен, выражающий отношения между человеком и миром, человеком и другими людьми. Различные виды модальности (необходимости, оценочности, возможности, долженствования) составляют модальную рамку фрейма. Фрейм «поступок» обладает прескриптивной функцией, так как ориентирован на идеал (будущее), основываясь на базовых понятиях добра, зла.

Поступки человека всегда рассматриваются в рамках нравственных категорий: добра, зла, справедливости, долга, морали. Анализ словарных дефиниций лексемы *поступок* (а также имен конкретных поступков в русском языке) позволяет сделать вывод о том, что семантическими вершинами фрейма «поступок» являются понятия, всегда (эксплицитно или имплицитно) присутствующие в значениях языковых единиц данной категории. Феномен «поступок» в словарных определениях объясняется через семантические составляющие *хороший, плохой, благородный, смелый, подлый* и др. В качестве вершины фрейма «поступок» выступает оцениваемое действие.

В общем плане выделяются две наиболее значимые категории: «положительно оцениваемый поступок» (*помощь, геройство*) и «отрицательно оцениваемый поступок» (*подлость, вероломство*). Каждая из категорий объединяет поступки со сходной фреймовой организацией. Состав категорий не может быть неизменным. Внутри одной языковой общности отношение к добру и злу может быть неоднозначным у различных социальных групп, в то или иное понятие может вкладываться различный (иногда противоположный) смысл.

Опираясь на взгляды отечественных и зарубежных исследователей (философов, психологов, социологов), данные авторитетных лексикографических

источников, был построен фрейм поступка (подробнее о содержательной стороне «поступка» см.: [14]). В структуре фрейма поступка выделяются узлы, которые могут быть представлены следующим образом.

1. Агент поступка. Невозможно представить поступок без участия человека. Важной особенностью поступка является также и то, что поступок оказывает существенное влияние на личность человека, способствуя ее развитию в одном из направлений. Это умозаключение подкрепляется этимологией слова *поступок*: поступок – поступательное движение по определенному пути [15, с. 164]. Так как это действие, совершаемое в результате осознанного решения, которое предполагает напряжение ума и души, поступок так или иначе меняет человека.

С точки зрения С. Л. Рубинштейна, поступки могут отражать или не отражать личностные характеристики человека: противоположные поступки могут быть обусловлены одними и теми же личностными установками, равно как и разнородные установки могут мотивировать тождественные поступки. Кроме того, человек может совершить случайный поступок, не характерный для него и не являющийся выражением его личности [16, с. 31].

На системно-языковом уровне агент поступка вербализуется специальными лексемами, например, *герой*, *благодетель* или *подлец*; в дискурсе и вербальных ассоциациях он актуализируется как с помощью прямых номинаций, так и посредством имен собственных, местоимений и т. д. На уровне предложения агент получает выражение в разных конструкциях, например, в конструкциях с существительным или местоимением в функции подлежащего / дополнения / определения:

Мама спасла брата от смерти или Подвиг бойца останется в веках.

2. Мотив поступка. При совершении поступка человеком всегда движет цель. Даже если речь идет о таком поступке, как спасение утопающего, который предполагает быстрое действие в условиях крайней опасности, реализации решения броситься на помощь предшествует осознание того, зачем это делается. Как правило, мотив – это реализация определенной ценности: благодеяния совершаются, потому что общепринятые правила предписывают совершать хорошие поступки во имя высоких целей; героизма в ущерб собственному благополучию оцениваются положительно, так как сопряжены с храбростью и самопожертвованием, которые также приветствуются обществом.

Являясь особым видом действия, поступок характеризуется целесознанностью: этот процесс подчинен представлению о предполагаемом результате.

Мотив – это в каком-то смысле оправдание выбранной линии поведения. Поступки, оцениваемые

как негативные, как правило, совершаются с благими намерениями, если не для объекта поступка, то для агента. Совершая один из поступков данной подгруппы, агент всегда движим целью, которая представляется ему как важная:

Ведь даже последний подлец внутри-то считает себя человеком порядочным, он обязательно подводит красивую базу под любую творимую им мерзость (Рябцева С. Л. Дети восьмидесятых) (здесь и далее примеры приводятся по НКРЯ [12]).

Мотив поступка получает актуализацию, как правило, на речевом уровне и в ассоциативных данных, при этом совсем не репрезентирован на уровне лексической системы языка.

3. Действие, лежащее в основе поступка. Действие и поступок являются составляющими какой-либо деятельности, но поступок является действием более высокого порядка в силу своей принадлежности нравственной сфере. Поступок может выражаться любым действием, но важен контекст, обстоятельства, при которых оно осуществляется. Рассмотрим следующий пример:

Эти же хозяйки, как о чудачестве, говорили, что тетя Маша не подливает в буйволиное молоко воды (Искандер Ф. Чик чтит обычай).

Действие «подлить / не подлить» может оставаться в категории действий до тех пор, пока мы рассматриваем его в рамках ситуации «приготовление пищи» или «кормление ребенка» и других подобных. Ситуация, описываемая в контексте, представленном ранее, воспринимается иначе за счет употребления лексемы *чудачество*, которая задает формат для оценивания всей ситуации. Единица *чудачество* активизирует весь фрейм, руководствуясь которым, мы понимаем, как действие вписывается в эту ситуацию и что оно реально обозначает.

В языке, таким образом, выделяются лексемы, обозначающие действия, которые в зависимости от контекста могут выражать поступки, а также номинации собственно поступков, например, *геройство*, *подвиг*, *предательство*, *благодетельствовать*, *подличать* и др.

4. Объект поступка. Значимость объекта, а именно того, что подлежит изменению в результате целесознанного действия, определяется наличием мотива и осознаваемым характером действия, лежащего в основе поступка. Некоторые поступки ориентированы на объект больше, чем другие. Поступок «помощь», к примеру, предполагает действие, всегда направленное на другого человека, в отличие от «чудачества», для которого ключевым элементом является нестандартное действие.

В русском языке объект поступка не выражается специальными единицами (за исключением причастий *облагодетельствованный*, *обманутый*, *предан-*

ный и других подобных), но регулярно получает экспликацию на речевом уровне, в вербальных ассоциациях. В структуре предложения данный элемент имеет семантическую роль Пациенса:

И для того от Императорской Академии объявляется вам следующее: чем сильнее оказываемое вам благодеяние, тем скорее взыскиваемый таковую отменно милостию может лишиться оной, буде не воздержан в пределе должности (Евсеев Б. Евстигней).

5. Оценка поступка. Оценка, на наш взгляд, всегда присутствует в структуре фрейма любого поступка, более того, именно оценка отличает поступок от простого действия. Оценка позволяет провести грань между двумя основными категориями поступков: отрицательно оцениваемые и положительно оцениваемые поступки. Вполне очевидно, что в обществе некоторые поступки воспринимаются как положительные, некоторые – как отрицательные, что предписывается правилами и стереотипами. При этом оценка зависит от культуры той или иной страны, хотя применительно к понятиям, связанным с ценностными ориентирами общества, – в меньшей степени. Обман, предательство оцениваются крайне негативно, а помощь, благодеяние, напротив, имеют прототипическую положительную оценку.

Некоторые поступки характеризуются вполне определенной оценкой, и она в этом случае вводится в словарные толкования: «подлость – поступок низкий, бесчестный» [17, с. 724]; «интрига – поступки, скрытые действия неблаговидного характера для достижения какой-либо цели, происки, козни» [17, с. 722].

Другие поступки не имеют устойчивого оценочного знака, например, в толковании лексемы *чужачество* определено лишь понятийное содержание без оценки: «чужачество – то, что необычно, странно; такой поступок» [18, с. 1485]. В дискурсе и ассоциативном материале регулярна оценка, которая носит амбивалентный характер, что, очевидно, и обуславливает невыраженность оценочного компонента в словарном толковании. В русскоязычном дискурсе и ассоциативных реакциях встречаются примеры, в которых чужачество получает положительную оценку:

*Может один в деревне ходить по домам своих соседей дарить всем цветы и получает от этого кайф... Или писать, расписывать свой дом. Такие люди есть. Это так называемые **чудаки**. Их полно. Россия ими просто живет и гордится. Абсолютно самодостаточные* (Клейн А. Мы же не козлы?).

Ср. реакции на стимул «чужак» в РАС: положительно-оценочные реакции: *добряк 3, оригинальный 2, забавный 2, смешной 1, весельчак 1, милый 1, правильный 1, хороший 1, интересно 1, талант 1, особый 1*; отрицательно-оценочные реакции: *простофиля 2,*

глупый 2, безмозглый 1, бестолковый 1, наглый 1, заносчивый 1, зануда 1, ненормальный 1, олух 1, проныра 1, шалопай 1 [13]. Как видно, количество реакций, актуализирующих положительную и отрицательную оценки, примерно одинаково.

Некоторые поступки представлены по-разному в словаре, дискурсе и ассоциативном материале с точки зрения оценки. Например, поступок «чужачество» в словарных определениях представлен как некое непонятное действие, например, «чужачество – то, что необычно, странно» [18, с. 1485].

6. Результат поступка. По С. Л. Рубинштейну, «посредством поступка человек устанавливает свое отношение к другим и сознательно изменяет окружающую действительность» [16, с. 602]. Предположительно, поступок ведет к формированию новой объективной / субъективной социальной реальности.

Данный элемент фрейма «поступок», как правило, не получает выражения в языке в виде специальных лексем, но актуализирован в речи и языковом сознании говорящих на русском языке.

Представленные выше слоты характеризуют структуру ситуации любых поступков, поэтому они могут рассматриваться как компоненты инвариантного фрейма поступка. Инвариантный фрейм может служить инструментом лингвокогнитивного моделирования конкретных поступков, которые могут рассматриваться методом наложения сетки общего фрейма на все виды вербальной репрезентации данного поступка в данном языке. Рассмотрим лингвокогнитивную модель поступков группы «помощь».

На первом этапе построение фреймовой модели осуществляется на базе лексикографических данных. Опираясь на выделенный инвариантный фрейм поступка, представим поступки с общим значением «помощь».

Поступки «помощь» и «благодеяние» образуют группу «помощь». Поступки данной группы обозначаются именами существительными (*помощь, благодеяние*). Элементы ситуации названных поступков могут быть выражены специальными единицами: «агент» (*благодетель, благодетельница, благодетельный* (человек), *помощник, помощница*); «объект» (*облагодетельствованный*); «действие» (*благодетельствовать, помогать*), «оценка» (*благодетельный, благой, благо*); «результат» (*блага, благо, благополучие, благоденствие, благоденствовать*). Применительно к группе «помощь» элемент «мотив» поступка не получает вербализации в лексической системе языка.

Содержание слотов «мотив», «агент», «объект», «действие», «оценка», «результат» раскрывается по лексикографическим данным.

Агент поступка. Словарные определения лексем *помощник* и *благодетель*, представленные в толковых

словарях русского языка, представляют агента в связи с совершаемым действием: «помощник – это тот, кто помогает кому-либо» [18, с. 917]; «благодетель – тот, кто оказал, оказывает благодетельства кому-то» [18, с. 81]. Характеристика сочетаемостных свойств единицы *помощник*, представленная, в частности, в [19], указывает на положительные качества агента поступка: «помощник – хороший, прекрасный, настоящий, верный, надежный» [19, с. 846].

В современных словарях, предметом описания которых является концептуальное содержание единицы, агент поступка «помощь» определяется как друг, близкий человек: «помощь, поддержка друзей, родных, товарищей (от / со стороны родных, друзей, товарищей)» [20, с. 640]. Этот же смысл передается устойчивыми словосочетаниями *дружеская, братская помощь*.

Объект поступка. Толковые словари стабильно фиксируют данный компонент в структуре понятия «помощь»: «помощник – это тот, кто помогает кому-либо» [18, с. 917]; «благодетель – тот, кто оказал, оказывает благодетельства кому-то» [18, с. 81]. В [18] лексема *помощник* рассматривается в тематической группе «существительные, обозначающие человека по отношению к другим людям», что также говорит о значимости компонента «объект поступка» применительно к помощи: «помощник – человек, который оказывает кому-либо содействие, поддержку, помощь в чем-либо» [17, с. 695].

Как показывает лексикографический материал, объектом поступка выступает человек, оказавшийся в трудном положении: «*помочь беде* – выручить из беды, избавить кого-либо от беды, горя» [19, с. 846]; «*благодетельство* – помощь, оказанная слабому из сострадания и жалости» [21, с. 56].

Действие, лежащее в основе поступка. Помощь может воплощаться в конкретном действии, в том числе вербальном, суть которого заключается в том, чтобы уменьшить заботы / несчастья объекта поступка: «помочь – предоставить кому-либо свой труд, сообщить кому-либо какую-либо полезную информацию, указать правильное направление действий, с тем чтобы облегчить или ускорить его работу, уменьшить его заботы» [19, с. 846]. Типичные сочетания *оказать помощь, подать помощь, помощь приходит*, поговорка *Слезам горю не поможешь* также имплицитно выражают деятельностную составляющую поступка «помощь» [19, с. 846; 22].

Все действия сводятся к двум взаимосвязанным категориям: помощь в деле (*помочь советом, материалами, лесом, техникой, деньгами, помочь в поле, на экзамене*); помощь в проблемной ситуации (*помочь в беде*) [19, с. 846].

Оценка поступка. Данный компонент эксплицирован в абсолютном большинстве словарных мета-

описаний, например, в [19, с. 846] оценка выявляется в типичных словосочетаниях: *неоценимая, действенная, эффективная помощь; благодарить за помощь; хороший, прекрасный, лучший, незаменимый помощник*.

В «Русском идеографическом словаре» «помощь» характеризуется положительно, агент поступка получает амбивалентную оценку: «помощь полезна, никогда не помешает. Помощь существенная, важна. Помощник бывает хорош, а бывает – лучше бы его и вовсе не было» [20, с. 641].

Результат поступка. Имя поступка *благодетельство* является двухкомпонентным и состоит из основ *благо* и *деяние*: другими словами, благодетельство – это деяние, несущее благо. Очевидно, что благо является предполагаемым результатом благого деяния. Анализ лексического значения других единиц словообразовательного гнезда с вершиной *благо* (*благодать, благодетельный, благодетель, благодетельница, благодетельствовать*) позволяет выделить следующие семантические компоненты: «*милосердный*», «*умиротворяющий*», «*способствующий обрести достаток*», «*полезный*». Соответственно, мотивом и желаемым результатом поступка является обретение умиротворения, достатка и уменьшение забот, ср.: «помочь – предоставить свой труд кому-либо, <...>, с тем, чтобы уменьшить его заботы» [19, с. 846].

Мотив поступка. Данный элемент не актуализирован конкретными единицами в русском языке, но выражен в словарных определениях, как это было показано ранее. Более развернуто мотив представлен в «Словаре русской ментальности» (СРМ), предметом исследования которого являются концепты, в том числе концепт «помощь»: «помощь – дело, поступок или слово как выражение сопереживания, сочувствия, соучастия, содействия, являющихся поддержкой, подспорьем, подмогой; помощник в своих действиях всегда движим добрыми чувствами» [21, с. 56].

Лексикографический анализ показал, что агент, объект, а также оценка поступков группы «помощь», по всей видимости, представляют «верхние уровни» фрейма, поскольку данные понятия всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях, по определению М. Минского, имеется много терминалов или «ячеек», заполняемых вероятностными единицами, которые будут варьироваться в структуре фрейма в зависимости от ситуации [23, с. 7].

Прототипическое содержание слотов фрейма уточняется с помощью дискурсивных данных. Источниками материала исследования послужили тексты художественной, публицистической, устной речи XX–XXI вв., включенные в Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [12].

Степень регулярности репрезентации слотов в речи является одним из показателей актуальности того или иного компонента в структуре фрейма.

Применительно к группе поступков «помощь» в фокусе внимания находятся агент поступка (*благодетель, благодетельница*) и действие (*облагодетельствовать, благодаяние*). Эти же элементы в наибольшей степени эксплицированы на языковом уровне. Дискурсивный анализ выявил прототипические характеристики перечисленных элементов.

Агент поступка. В большинстве контекстов актуализированы те же характеристики агента помощи, что и в словарных толкованиях: это милосердный / добрый человек, желающий облегчить участь кого-либо, находящегося в трудном положении:

*Если человек от природы добр и у него есть возможность **ближним** оказывать всяческие **благодаяния**, то, конечно, грешно ему будет, если он свою доброту, этот талант, данный от Бога, зароет в землю, не будет никому **помогать**, а именьи всё **тратить на себя** (Протоиерей Димитрий Смирнов. Ответы слушателям радио «Радонеж» в прямом эфире на вопросы о вере и спасении).*

Речевые контексты выявляют некоторые сходства и различия между благодетелем и помощником: сходства заключаются в действии, нацеленном на облегчение страданий объекта; различия касаются того, что одной из характеристик благодетеля является его более высокое социальное или материальное положение по отношению к объекту поступка (*меченат-благодетель, отец-благодетель, государь-благодетель*), помощник, как правило, представлен в дискурсе как друг, близкий человек (это же подчеркивается и в словарных определениях):

*Последний, кто на свой страх и риск оставлял глухого служить, отдал ему на прокорм как раз самое **глухое местечко** – полигон, вымерший, весь побитый стрельбами да взрывами каменисто-песчаный участок в степи. <...> Чтобы к нему и впредь относились по-доброму, контуженный раз в год заявлялся к своему **благодетелю** и дарил что-нибудь вкусенькое (Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней);*

*Спасибо дорогие родители. Да еще и новая школа одна чего стоит. Друзей в такой ситуации не выбирают. Кто пришел тебе первым на помощь, тот и друг. Автоматически. **Тот, в ком оказалось достаточно сострадания** (Геласимов А. Фокс Малдер похож на свинью);*

*Да что это, такое, а? – восклицал молниеносный Прищепин. Сзади на него обрушился Яковлев, бросаюсь на **помощь** другу (Елизаров М. Госпиталь).*

Действие, лежащее в основе поступка. Анализ контекстов НКРЯ показывает, что прототипическое действие совершается в сложной / опасной для объ-

екта поступка ситуации и направлено на разрешение проблем:

*Должно быть, благодетельница отца моего с умыслом тогда избрала этот способ деликатно и безобидно **помогать** бедному художнику... (Каменская М. Ф. Воспоминания);*

*В отличие от этой «упакованной» дамы я очень хорошо знаю, если со мной случится **беда**, друзья придут на **помощь**, и никому из них не взбредет в голову потребовать за это хоть копейку (Донцова Д. Микстура от косоглазия).*

В дискурсе встречаются примеры нарушения прототипического действия поступка:

*Через несколько месяцев настоящие хозяева, а также областные чиновники скупают их у водников по цене чуть выше номинала. **Облагодетельствуют**. И тогда полностью отстранят рабочих от владения какой-либо собственностью (Романов С. Парламент).*

При том, что представлены некоторые содержательные компоненты понятия «благодаяние» (большая услуга, неожиданно значительная помощь), оказываются измененными другие его компоненты, например мотив (из сострадания, милости).

По данным контекстуального анализа, «мотив», «объект», «оценка», «результат» поступка получают следующую характеристику.

Мотив поступка. Примеры НКРЯ свидетельствуют о двух основных мотивах поступков группы «помощь»:

1) чувство долга, понимание того, что помогать хорошо:

*Еще моя вера выражается в том, что надо **помогать** людям, что нельзя делать подлости, что есть высшая справедливость. У человека это называется совестью, допустим, а во Вселенной это что-то другое (Агларов А. Ольга Ципенюк);*

2) стремление получить личную выгоду:

*Эта привилегия была основой могущества Глебова в классе. Он пользовался ею расчетливо и умно: приглашал мальчиков, в дружбе которых был заинтересован, от которых чего-либо ждал взамен, иных долго кормил обещаниями, прежде чем оказывал **благодаяние**, а некоторых мерзавцев навсегда лишил своей милости (Трифонов Ю. Дом на набережной).*

Объект поступка. Контекстуальные данные совпадают с результатами лексикографического анализа относительно объекта поступков группы «помощь». Прототипический объект – человек, находящийся в затруднительном положении:

*«**Облагодетельствованный** таким образом, по мнению дающих, должен расцвести и **поправить свои дела**» (Блех А. Тупик).*

Оценка поступка. Положительную оценку можно считать прототипической для поступков группы «по-

мощь». Помощь представляется как нечто, за что непременно благодарят, уважают, ценят:

– *Спасибо за цветы. И за вашу помощь. – Какую? – Помните, вы звонили по моему поводу профессору Вишняку?* (Грекова И. Перелом).

Ситуации, выдаваемые за помощь / благодеяние, но по сути не являющиеся таковыми, оцениваются отрицательно:

Считай, мы сами тебя под крышу берем, понял? Благодетели хреновы! – У меня есть крыша! (Измайлов А. Трюкач).

В основе восприятия подобных ситуаций как квазипоступков лежит осознание их несоответствия прототипическому содержанию соответствующего фрейма.

Результат поступка. В речи последствия поступков группы «помощь» представлены нерегулярно. Несмотря на добрые намерения агента помощи, последствия поступка непредсказуемы:

Я таких списков не составлял ни на бумаге, ни мысленно: жизнь сложнее начальной логики, многие преступления могут привести к благодеяниям, и есть благодеяния, чреватые преступлениями (Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь).

Всякая входящая в языковой фрейм единица активизирует в сознании весь фрейм [1, с. 196; 24]. На примере представлений о поступках группы «помощь» данный постулат можно проверить, в том числе, и на материале ассоциативных реакций испытуемых. Если взять за основу выявленные в ходе лексикографического, дискурсивного и ассоциативного анализов прототипические характеристики элементов поступков группы «помощь» и задать их в качестве стимулов в базе ассоциативного словаря, например в [25], мы сможем увидеть, ассоциируются ли данные явления с поступками группы «помощь», т. е. активизируется ли соответствующий фрейм. Проведенный анализ показал следующее: стимул *друг* в числе других реакций вызывает и реакции, связанные с помощью, а именно, *помощь 10* (здесь и далее цифрой обозначено количество соответствующих ассоциаций), *в беде 1, взаимопомощь 1, всегда помогает в беде 1, подмога 1*; стимулы *деньги* и *дело: помогают 1, помощь 1*; стимул *хорошо: помощь 2, стимул добро: помощь 5, помочь 1, помочь людям 1*. Муж, жена, дочь чаще других членов семьи, т. е. близких людей, ассоциируются с помощью: *муж – помогает 1; жена / дочь – помощница 2*. Действительно, поступок «помощь» осознается как поступок друга, близкого человека, который совершает что-то, чтобы выручить из беды, и это получает положительную оценку в обществе. Элементы «агент», «действие», «объект» и «оценка» являются ключевыми в структуре поступков семантической группы «помощь».

Проведенное исследование подтвердило правомерность использования фреймового подхода для изучения поступков. Реконструкция фреймовой структуры, а также анализ прототипической семантики узлов фрейма являются эффективными методами построения лингвокогнитивной модели поступка. В основе представлений о поступках лежит инвариантный фрейм, слотами которого являются мотив, действие, агент, объект, оценка и результат поступка. Фрейм – это структурная основа прототипических ситуаций. Опорными точками представлений о поступках являются прототипические референты (прототипические мотивы, действия и т. д.). Так, прототипическим мотивом поступков группы «помощь» является осознание необходимости облегчить страдания объекта поступка, находящегося в затруднительном положении. К наиболее характерным свойствам агента поступков относится доброта. Агент и объект поступка, как правило, находятся в дружеских или родственных отношениях. Прототипической является положительная оценка поступков, при этом поступки могут приводить к разным последствиям.

Достоверность лингвокогнитивной модели обеспечивается анализом разных видов вербализации знаний о поступках: исследованием системно-языкового, речевого, ассоциативного материала. На примере семантической группы «помощь» показано, каким образом в языке, речи и в ассоциативном материале актуализирована выделенная инвариантная логико-когнитивная модель поступка. Элементы инвариантного фрейма в разной конфигурации и в разной степени проявляются на всех уровнях вербализации знаний. Выделяются слоты, которые актуализированы на всех уровнях. Применительно к поступкам группы «помощь» наиболее актуализированными элементами являются действие, лежащее в основе поступка, его оценка, агент и объект поступка. Менее значимыми представляются мотив и результат поступка.

Проведенное исследование, основанное на сопоставлении лексикографических данных с результатами дискурсивного и ассоциативного видов анализа, вносит вклад в разработку словарей активного типа, основополагающими принципами которых являются принципы системности, интегральности, выделение на этой основе лексикографических типов, создание лексикографических портретов описываемой лексики [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарев А. Е. В поисках единой модели значения / А. Е. Бочкарев // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 2. – С. 192–199.
2. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

3. Rosch E. Basic Objects in Natural Categories / E. Rosch // *Cognitive Psychology*. – 1976. – № 8. – P. 382–436.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2000. – 130 с.
5. Smith E. E. Categories and Concepts / E. E. Smith, D. L. Medin. – Cambridge, 1981. – P. 260–272.
6. Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics / D. Geeraerts. – Oxford, 2010. – 384 p.
7. Костомарова Н. А. Семантический фрейм в структуре ментального лексикона человека (на примере семантического фрейма «человек») / Н. А. Костомарова // *Вестник Перм. ун-та*. – 2015. – Вып. 3 (31). – С. 23–32.
8. Беляевская Е. Г. Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц / Е. Г. Беляевская // *Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Сер.: Языкознание*. – 2013. – Вып. 20 (680). – С. 18–29.
9. Милль Дж. С. Система логики / Дж. С. Милль. – М., 2011. – 832 с.
10. Ирисханова О. К. О теории концептуальной интеграции / О. К. Ирисханова // *Известия АН. Сер. лит. и языка*. – М. : Наука, 2001. – Т. 60, № 3. – С. 44–49.
11. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ : типы фреймов / С. А. Жаботинская // *На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века : грамматика, семантика, словообразование : материалы Междунар. конф.* – Калининград : Изд-во КГУ, 2003 – С. 141–159.
12. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru
13. Русский ассоциативный словарь. – Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>
14. Бушуева Л. А. Фрейм поступка : инвариантная модель и варианты ее реализации / Л. А. Бушуева // *Вестник Кемеров. гос. ун-та*. – 2017. – № 2. – С. 173–178.
15. Горбачева Е. Н. Когнитивная модель перформативного дискурса / Е. Н. Горбачева // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2013. – № 6. – С. 163–165.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2007. – 713 с.
17. Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
18. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
19. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ун-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; под ред. В. В. Морковкина. – М. : Словари XXI века, 2017. – 1456 с.
20. Русский идеографический словарь : Мир человека и человек в окружающем его мире / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова ; РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М., 2011. – 1032 с.
21. Словарь русской ментальности / под ред. В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновой. – СПб. : Златоуст, 2014. – Т. 2. – 592 с.
22. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru>
23. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
24. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.
25. Славянский ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский (САС) / Н. В. Уфимцева [и др.] – М., 2004. – 800 с.
26. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

REFERENCES

1. Bochkarev A. E. V poiskakh edinoj modeli znachenija [In search of the unified model of meaning]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Lobachevsky University Herald], 2016. № 2. Pp. 192–199.
2. Boldyrev N. N. Yazykovye kategorii kak format znaniya [Language categories as a framework of knowledge]. In *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [The issues of cognitive linguistics]. 2006. № 2. Pp. 5–22.
3. Rosch E. Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. Pp. 382–436.
4. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics]. Tambov: Izd-vo Tambov. gos. un-ta im. G. R. Derzhavina, 2000. 130 p.
5. Smith E. E., Medin D. L. *Categories and Concepts*. Cambridge, 1981. Pp. 260–272.
6. Geeraerts D. *Theories of Lexical Semantics*. Oxford, 2010. 384 p.
7. Kostomarov N. A. Semanticheskij freim v structure mentalnogo leksikona cheloveka (na primere semanticheskogo freima “chelovek”) [A semantic frame in the structure of human mental lexicon (the example of a semantic frame “human”)]. In *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald]. 2015. Vol. 3 (31). Pp. 23–32.
8. Belyaevskaya E. G. Freimy “deistviya” i “deyatelnosti” kak osnovanie klassifikatsii leksicheskikh edinit [The frames of “action” and “activity” as a classification scheme for lexical units]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Yazykoznanie* [Moscow Linguistic University Herald. Linguistics.] Moscow, 2013. Vol. 20 (680). Pp. 18–29.
9. Mill’ Dzh. S. *Sistema logiki* [The system of logic]. Moscow, 2011. 832 p.
10. Iriskhanova O. K. O teorii kontseptualnoj integratsii [On the theory of conceptual integration]. In *Izvestiya AN. Ser. lit. i yazyka* [Izvestia AN. Literature and Linguistics]. Moscow: Nauka, 2001. Vol. 60 (3). Pp. 44–49.
11. Zhabotinskaya S. A. Kontseptualnyj analiz: tipy freimov [Conceptual analysis: the types of frames]. In *Na styke paradigm lingvisticheskogo znaniya v nachale XXI veka: grammatika, semantika, slovoobrazovanie: materialy Mezhdunarodnoj konferentsii* [At the confluence of linguistics

tic knowledge at the beginning of XXI century: grammar, semantics, derivation: the proceedings of the international conference]. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2003. Pp. 141–159.

12. *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru

13. RAS – *Russkij assotsiativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. Available at: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>

14. Bushueva L. A. Freim postupka: invariantnaya model i varianty ee realizatsii [The frame of a human action: the basic model and the variants of its actualization]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo State University Herald], 2017. № 2. Pp. 173–178.

15. Gorbacheva E. N. Kognitivnaya model performativnogo diskursa [The cognitive model of performative discourse]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Ideas], 2013. № 6. Pp. 163–165.

16. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshhej psikhologii* [The fundamentals of general psychology]. SPb.: Piter, 2007. 713 p.

17. BTSRS – *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkikh sushhestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [The dictionary of Russian nouns: ideographic aspect. Synonyms. Antonyms]. Ed. by prof. L. G. Babenko. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2005. 864 p.

18. BTSRYA – Kuznetsov S. A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The dictionary of the Russian language]. SPb.: Norint, 2000. 1536 p.

19. BUSRYA – *Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka* [The universal dictionary of the Russian language].

Ed. by V. V. Morkovkin. M.: Slovare XXI veka, 2017. 1456 p.

20. *Russkij ideograficheskij slovar': Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushhem ego mire* [The Russian ideographic dictionary: a man's world and a man in the world]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow: RAN, Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, 2011. 1032 p.

21. *Slovar' russkoj mental'nosti* [The dictionary of Russian mentality]. Ed. by V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. – Saint Petersburg: Zlatoust, 2014. Vol. 2. 592 p.

22. *Slovar' glagol'noj sochetaemosti nepredmetnykh imen russkogo yazyka* [The dictionary of verbal combinability of abstract lexemes of the Russian language]. Available at: <http://dict.ruslang.ru>

23. Minskij M. *Frejmy dlya predstavleniya znaniy* [A framework for representing knowledge]. Moscow: Energiya, 1979. 151 p.

24. Fillmor Ch. Freimy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Progress, 1988. № 23. Pp. 52–92.

25. *Slavyanskij assotsiativnyj slovar': russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij* [The Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukraine]. Ed. by N. V. Ufimtseva, G. N. Cherkasova, Yu. N. Karaulov, E. F. Tarasov. Moscow, 2004. 800 p.

26. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic world view and multi-faceted lexicography]. Ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 912 p.

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Бушueva Л. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики

E-mail: sebeleva@yandex.ru

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Bushuyeva L. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Linguistics Department

E-mail: sebeleva@yandex.ru